

22.06.2026

Ормузская ловушка для мировой нефти: выиграет ли Россия?

Перекрытие Ормузского пролива, бутылочного горлышка международной торговой логистики, ввергло сырьевые рынки в полукоматозное состояние. По подсчётам Международного энергетического агентства, более 14 млн баррелей сырой нефти в сутки не могут покинуть регион, а совокупные потери производителей с начала марта превысили 1 млрд баррелей. МЭА оценивает ситуацию, как «беспрецедентный шок предложения». И этому шоку нет конца-краю.

«Мы видим, что продолжается глубочайший кризис в отрасли, огромное количество нефти сегодня не поступает на рынок», — заметил в связи с происходящим вице-премьер РФ Александр Новак. По его словам, поскольку спрос превышает предложение, это приводит к дисбалансу на фоне логистических затруднений и напряжённости на Ближнем Востоке.

Но и спрос будет проседать под давлением обстоятельств: МЭА ожидает его снижения по итогам 2026 года на 418 тысяч баррелей в сутки, до 104 млн б/с. Как следует также из отчёта организации, в марте мировые запасы нефти сократились на 129 млн баррелей, а в апреле — ещё на 117 млн, на фоне военно-политического кризиса вокруг Ирана и сбоев в поставках. Для стабилизации цен, колеблющихся в широком диапазоне $100-120 за баррель, странам-участницам МЭА пришлось высвободить эти объёмы из своих экстренных резервов. Одновременно нефтедобывающие страны предпринимают шаги, чтобы смягчить удар по рынкам. Так, Саудовская Аравия перенаправила часть экспорта

через терминалы, расположенные вне пролива, а США нарастили поставки в Азию.

Но общую картину это не меняет, в целом она складывается сегодня из множества разнонаправленных фрагментов, факторов про и контра. Реалии стремительно меняются, и это беспорядочное движение, это каждодневное мельтешение событий лишает смысла любые долгосрочные прогнозы.

Добыча и экспорт

Новая ситуация касается абсолютно всех рыночных игроков. Россия — не исключение. Понять, выиграла она от происходящего или, скорее, проиграла, на сегодняшний день не представляется возможным; время покажет. Но уже есть весьма существенные цифры, напрямую не связанные с событиями вокруг Ирана. Так, согласно данным МЭА, в апреле добыча нефти в РФ составила всего 8,83 млн б/с — на 130 тысяч меньше мартовского показателя, и на 5% меньше показателя годичной давности. Так мало страна не добывала с мая-июля ковидного 2020 года. Тогда в результате договорённости с ОПЕК+ России пришлось резко, до 8,53-8,65 млн б/с, сократить добычу после обвала глобального спроса на нефть из-за пандемии и введённых многими странами карантинов.

Теперь же проседание обусловлено серией воздушных атак на объекты экспортной инфраструктуры: портовые терминалы, трубопроводы, нефтеперерабатывающие заводы. Из-за проблем с отгрузкой, хранилища заполняются быстрее обычного. В частности, как отмечает Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), «Транснефть», перекачивающая 80% добываемой нефти, не могла в полной мере принять в свою систему сырьё от производителей, которые планировали вывозить его через балтийский порт Усть-Лугу.

Но одно дело — добыча, а другое — экспорт. В апреле объём среднесуточных поставок сырой нефти за рубеж вырос на 250 тысяч баррелей по сравнению с мартом, составив 4,9 млн баррелей. Эта цифра включает возобновившиеся после трёхмесячного перерыва трубопроводные поставки в Венгрию и Словакию. Остальной прирост обеспечили балтийские порты Усть-Луга и Приморск, которые восстановили работу после поражения части мощностей беспилотниками. В правительстве РФ, между тем, ожидают, что нефтедобыча в текущем году останется на уровне прежнего: около 511 млн тонн сырой нефти конденсата (согласно базовому сценарию Минэкономразвития). Это эквивалентно примерно 10,26 млн б/с; на конденсат (его МЭА не учитывает в своей статистике) приходится около 10% совокупной российской добычи.

ЦМАКП скорректировал вниз прогноз в отношении объёмов экспорта и нефтепродуктов в 2026-2029 годах, приняв во внимание, в частности, фактор 20-го пакета санкций ЕС, согласованного в конце апреля. Среди прочего, в него вошли ограничения на работу компаний энергетического сектора («Башнефть», «Славнефть» и другие), более 40 судов (которые связывают с российским теневым флотом) и двух морских портов — в Туапсе и Мурманске. Эти меры закладывают основу для будущего полномасштабного запрета на морские перевозки российской сырой нефти и нефтепродуктов.

Апрельский сдвиг

Между тем в мае экспортная цена на флагманскую нефть марки Urals, рассчитанная для целей налогообложения, достигла самого высокого уровня с октября 2023 года — $94,87 за баррель. Очевидно, что бюджету РФ ситуация с блокадой Ормузского пролива и последующим ростом сырьевых котировок оказала определённую поддержку. Приток нефтедолларов уже позволил ведомству Силуанова возобновить пополнение Фонда национального благосостояния и отложить сокращение неприоритетных расходов. Но карты правительству отчасти спутал рубль, укрепившийся из-за высоких процентных ставок, сокращений импорта и роста предложения иностранной валюты от экспортёров. Усиление курса нацвалюты, как известно, ведёт к снижению налоговых поступлений от баррелей, которые торгуются в долларах.

По данным Минфина, в апреле нефтегазовые доходы превысили мартовский показатель на 38,7%, составив 855,6 млрд рублей, но за первые четыре месяца 2026-го они снизились на 38,3% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Так что основания для оптимизма весьма условны. Тем более, что по итогам января-апреля дефицит бюджета составил впечатляющую сумму в 5,9 трлн рублей (2,5% ВВП). И пока не понятно, насколько значимым окажется в итоге вклад сырьевой выручки в комплекс государственных мер по его покрытию.

«Апрель стал первым месяцем, когда федеральная казна ощутила эффект от взлёта мировых цен на нефть из-за конфликта на Ближнем Востоке и перекрытия Ормузского пролива, — говорит глава финтех-платформы SharesPro Денис Астафьев. — При этом демпферный механизм съел существенную часть прироста: компенсации нефтепереработчикам по акцизу на нефтяное сырьё, топливному демпферу и инвестиционной надбавке в совокупности составили около 377 млрд рублей против 55 млрд в марте. Это неизбежная плата за стабильность на внутреннем топливном рынке, но она существенно снижает чистый эффект для бюджета».

Среднее значение цены на сорт Urals за четыре месяца уже сложилось на уровне около $64 за баррель, выше изначально заложенных в бюджете $59. В мае нефтегазовые доходы вырастут ещё: в апреле российская нефть стоила в среднем около $95 за баррель. Из-за масштабных разрушений энергетической инфраструктуры в странах Персидского залива, благоприятная для экспортёров конфигурация рынка продержится ещё достаточно долго, что позволяет рассчитывать на выполнение годового бюджетного плана по нефтегазовым доходам в 8,9 трлн рублей. По словам Астафьева, если сценарий реализуется, дефицит удастся удержать в запланированных рамках. Однако, как только Ормузский пролив откроется, ценовой импульс начнёт затухать.

Решение проблемы?

«В январе–марте нефтегазовые доходы составили лишь 1,44 трлн рублей и были на 45,4% ниже прошлогоднего уровня, — отмечает аналитик Freedom Finance Global Владимир Чернов. — Этот очень слабый результат Минфин тогда прямо связывал с неблагоприятной конъюнктурой на внешних рынках. Но в апреле, по данным Минэкономразвития, средняя цена Urals для расчёта НДПИ составила $94,87 за баррель против $77 в марте, $44,59 в феврале и $40,95 в январе, а это уже заметно выше базовой цены бюджетного правила в $59 за баррель».

Для казны это существенная поддержка, но явно не решение проблемы дефицита в 5,9 трлн рублей. На взгляд Чернова, в обозримой перспективе нефтегазовые доходы останутся повышенными, если Urals удержится заметно выше $80 за баррель, и если Ормузский пролив не будет разблокирован в ближайшее время. За их счёт давление на бюджет ослабнет, однако необходимость контролировать расходы и наращивать заимствования сохранится.

«Апрельская прибавка в 38,7% во многом связана с техническими факторами: в этом месяце традиционно происходит квартальный перерасчет НДПИ и НДД, а низкие котировки Urals в феврале и марте транслируются в налоговую базу с временным лагом, — поясняет партнёр агентства «Голдман и По» Ахмед Юсупов. — Поэтому речь идёт, скорее, об эффекте восстановления после слабого начала года, чем о признаке устойчивого разворота тренда. Оценивать ситуацию, как полностью позитивную для бюджета, пока сложно. Нефтегазовые доходы остаются существенно ниже прошлогоднего уровня, а именно они обеспечивают значительную часть федеральных поступлений».

На этом фоне сохраняется высокая нагрузка на ненефтегазовую часть бюджета, а дефицит продолжает компенсироваться за счёт внутренних заимствований и использования средств ФНБ. Его дальнейшая динамика, по

словам Юсупова, будет зависеть от нескольких факторов: мировых цен на нефть, политики ОПЕК+, курса рубля и общего состояния мировой экономики.

Антон Силуанов призвал не преувеличивать значение подорожавшей нефти для бюджета, сообщив, что за март-апрель уровни «поступлений и недопоступлений» практически одинаковы. Выходит, реальный профит за эти два месяца оказался микроскопичным. Но что будет дальше, на более длительном горизонте?

Мир идёт к фрагментации

«История Ормузского пролива, как международного коридора свободного судоходства, похоже, закончена, — говорит ведущий аналитик «Амаркетс» Игорь Расторгуев. — Иран выстроил систему «политического фейс-контроля»: Россия, Китай, Индия проходят как дружественные, США и Израиль заблокированы полностью, все остальные платят за проход или договариваются. Назвать это победой Тегерана в полном смысле я бы не спешил: де-факто влияние есть, де-юре международного признания этих правил нет и не будет, конвенция ООН по морскому праву прямо запрещает взимать плату за транзит. Но пока идут переговоры и стреляют пушки, право сильного берёт верх над морским».

И нефть, блуждающая выше $100-110, — закономерный ответ рынка на беспрецедентный по масштабу сбой в поставках. Даже при формальном перемирии быстрого возврата к норме ждать не стоит: страховые премии выросли кратно, судовладельцы не торопятся рисковать, а доверие к проливу подорвано всерьёз и надолго. Рынок теперь закладывает в цену не только текущий кризис, но и постоянную премию за риск повторения. Для России эта ситуация, как ни парадоксально, выгодная, убеждён Расторгуев. Ключевые покупатели её нефти — Китай и Индия — по-прежнему остро нуждаются в альтернативных поставках, плюс кризис, неожиданно, дал второе дыхание буксовавшим переговорам о трубопроводных маршрутах в КНР. Это стратегическое окно, которое важно не упустить.

Но 1 апреля появился мощный фактор «контра», создающий риски и для России, и для всего сообщества нефтепроизводителей — абсолютно нешуточный выход ОАЭ из состава ОПЕК и сделки ОПЕК+. На него указывает руководитель практики по международному бизнесу и финансам «5Д Консалтинг» Михаил Никитин. По словам аналитика, решение Эр-Рияда означает начало конца ОПЕК в прежнем формате, как инструмента коллективного ценообразования. Мотив Эмиратов понятен: их давно раздражало обязательство сдерживать добычу до 3,2–3,4 млн баррелей в сутки при реальной мощности под 4,8 млн и цели выйти на 5 млн к 2027 году. Но этот шаг создаёт

предпосылки для «эффекта домино»: вслед за ОАЭ членство в картеле могут прекратить другие страны.

«Для России Ормуз выравнивает ситуацию в краткосрочной перспективе: пока пролив закрыт, дополнительные эмиратские баррели на рынок не выйдут, — резюмирует Никитин. — Проблемы начнутся, когда конфликт на Ближнем Востоке завершится, и Эмираты начнут наращивать добычу уже без каких-либо обязательств. Мировое предложение получит устойчивый дополнительный поток, нефть подешевеет, что станет ударом для нашей страны. Вместе с тем мир движется к фрагментации: долгосрочным двусторонним контрактам, фиксированным ценам, региональным блокам покупателей. В этой логике у России есть пространство для манёвра — выстраивать прямые отношения с потребителями в Азии».

Александр Ларин